

Константин Дмитриевич Ушинский – основоположник научной педагогики в России: к 200-летию со дня рождения

Дети, в школу собирайтесь!

Петушок пропел давно!

Попвороней одевайтесь!

Смотрит солнышко в окно.

Эту и другие стихотворения-песенки, которые легко запоминаются, сочинил К.Д. Ушинский вместе со своим другом – молодым учителем Модзалевским. А сказки про курочку рябу, про колобок, про сестрицу Алёнушку и братца Иванушку, рассказы «Четыре желания», «Как рубашка в поле выросла», которые пересказал или сочинил Ушинский, знают практически все.

Константин Дмитриевич Ушинский – великий русский педагог, «учитель русских учителей», был и талантливым детским писателем. Он пересказывал для детей народные сказки, использовал в рассказах, прибаутках народные пословицы, поговорки, присказки. Написанные простым языком и небольшие по размеру рассказы и сказки Ушинского читать детям не только интересно, но и полезно, особенно в наше скоростное время. Короткие, но познавательные, они открывают детям окружающий мир, рассказывают о временах года, животных и птицах.

Педагогические принципы Ушинского, ярко проявившиеся в его рассказах и сказках, использовал Лев Толстой при составлении знаменитых «Азбук».

«Ушинский – это наш народный педагог, также как Пушкин – наш народный поэт, Ломоносов – первый народный ученый, Глинка – народный композитор, а Суворов – народный полководец» (Лев Николаевич Модзалевский)

Трудно назвать другого преподавателя дореволюционной России, пользовавшегося таким же авторитетом, такой же любовью учителей, детей и их родителей, как Константин Дмитриевич Ушинский. Этот человек совершил настоящую революцию в отечественной педагогической практике, став основоположником новой науки, ранее не существовавшей в России. Для зарождающихся народных школ Ушинский разработал гениальные по своей простоте и доступности учебники, а для их учителей – целый ряд замечательных руководств. Более чем пятьдесят лет, вплоть до самой революции, целые поколения русских детей и преподавателей воспитывались на книжках, написанных Ушинским.

Константин Дмитриевич родился в дворянской семье 2 марта (19 февраля по старому стилю) 1824 года. Его отец, Дмитрий Григорьевич, был человеком образованным, окончил Московский благородный пансион, участвовал в Отечественной войне 1812 года. Первые одиннадцать лет жизни Константина были безоблачными. Детство и отрочество Константина прошли в усадьбе на берегу Десны, в небольшом, старинном городке Новгород-Северский на Черниговщине, куда его отца назначили на должность судьи. Мать, Любовь Степановна, сама руководила занятиями сына, сумев пробудить в нем пытливость ума, любознательность и огромную любовь к чтению. В 1835 году, когда Константину пошел двенадцатый год, его мама умерла. Ушинский на всю жизнь сохранил о ней самые нежные воспоминания. Константин Ушинский в 11 лет, благодаря домашней подготовке был зачислен сразу в третий класс Новгород-Северской гимназии, которую окончил в 1840 году. Он редко выполнял домашние задания, повторяя пройденное прямо перед занятиями. Все свободное время мальчик посвящал прогулкам и чтению. Константин сам

изучил немецкий язык и мог свободно читать Шиллера. Но, несмотря на свои способности, он не сдал выпускной экзамен и остался без аттестата.

В 1840 году Ушинский сдает вступительный экзамен и поступает в Московский университет на юридический факультет. Обладая отличной памятью, он запоминал не только главную мысль изложенного материала, но и детали, на лекциях он активно задавал вопросы, вставлял удачные замечания. Часто Ушинский объяснял своим сокурсникам мысли, которые им не удалось понять в профессорском изложении, и пользовался уважением и любовью не только из-за интеллекта, прямого и открытого характера, но и потому, что был хорошим товарищем, охотно делил с друзьями свой последний рубль. В студенческие годы Ушинскому приходилось очень трудно, денег не хватало, и в течение всей учебы в университете, Константин Дмитриевич подрабатывал частными уроками.

Учась и подрабатывая, Ушинский не забросил чтение. На русском он читает Пушкина, Лермонтова и Гоголя, на французском – Руссо, Дидро и Декарта, на английском – Милля и Бэкона, на немецком – Гегеля и Канта. Константин увлекался театром и ежемесячно из своего скромного бюджета покупал билеты на самые дешевые места.

В студенческие годы Ушинский выработал для себя жизненные правила: сохранять спокойствие, действовать обдуманно, не лгать, не хвастать, «не проводить времени бессознательно». Каждый случай отступления от правил он фиксировал в своем дневнике.

В 1844 году Ушинский с отличием оканчивает университетский курс и готовится к сдаче магистерского экзамена и в июне 1844 года Константин Ушинский получает степень кандидата юриспруденции. Через два года

стажировки в университете его пригласили в Демидовский юридический лицей в Ярославле и в 22 года Константин Дмитриевич был назначен на должность исполняющего обязанности профессора камеральных наук на кафедре государственного права, законовещения и финансов. Познакомившись с учащимися заведения, Ушинский писал: «В каждом из них в большей или меньшей степени чувствуется специалист, но очень мало «человека». А между тем все должно быть наоборот: воспитание должно оформить «человека», – и только потом из него, из личности развитой, непременно выработается соответствующий специалист, любящий свое дело, изучающий его, преданный ему, способный приносить пользу в выбранной им области деятельности в соответствии с размерами своих природных дарований». Молодой профессор быстро завоевал расположение лицеистов. Он блестяще владел предметом, умел ясно и интересно объяснить тему, а потрясающая эрудиция, простота в общении, равнодушие к проблемам окружающих и человеческое отношение к ученикам и вовсе сделали его всеобщим любимцем.

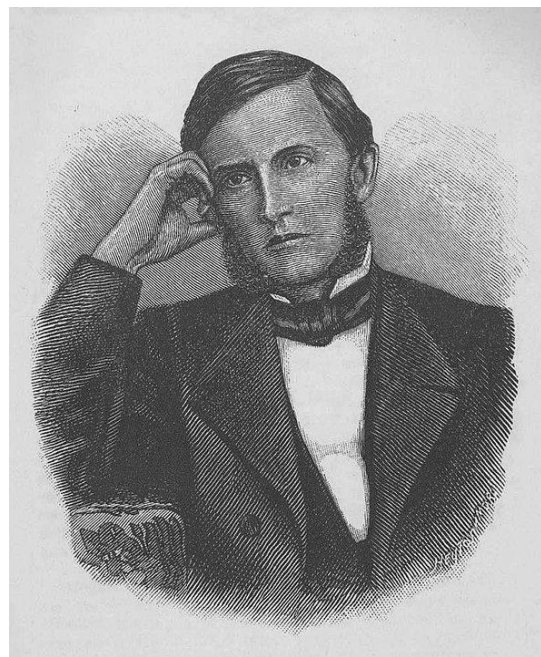
Ушинский выступил с критикой немецких методов камерального образования, отвергнув немецкую систему, он предложил свою. По его предложению камеральное образование (знания, необходимые для управления государственными имуществами) должно было базироваться на подробнейшем изучении жизни и потребностей народа нашей страны в тесной связи с местными условиями. Эти взгляды руководители учебного заведения посчитали вредными для учащихся, и попечитель лицея написал на молодого преподавателя несколько доносов. После новых требований – предоставить всем учителям подробные программы курсов, расписанные по дням и часам и указывать из какого конкретно сочинения и что они намерены цитировать,

Ушинский подал прошение об отставке. Его примеру также последовали некоторые учителя.

Потеряв работу, Константин Дмитриевич переводил, писал рецензии и обзоры в мелкие провинциальные журналы, затем перебрался в Петербург, где несколько месяцев безуспешно пытался найти себе место хотя бы уездного учителя, но его никуда не брали из-за плохих лицейских рекомендаций. Тогда он пошел работать по специальности – чиновником в Министерство внутренних дел, параллельно начал сотрудничать с журналами, в которых публиковал переводы с английского языка, рецензии и рассказы. Современники писали, что Ушинский мог бы стать хорошим литератором, но к этому времени он уже точно понимал, что его предназначение в другом.

В 1854 году бывший начальник Ушинского по Демидовскому лицейю пригласил Константина Дмитриевича на должность преподавателя словесности и законоведения Гатчинского сиротского института, а затем повысил до инспектора (заместителя директора по учебной части).

Летом 1855-го редактор журнала «Библиотека для чтения», с которым сотрудничал Ушинский, прислал ему для перевода несколько статей из английского журнала *The Athenaeum* о воспитании и образовании в Америке, которые произвели на Константина Дмитриевича чрезвычайное впечатление. «Я не мог спать несколько ночей! – писал он редактору. – Статьи подняли в моем уме целый ряд вопросов и навели на многие мысли. Я не знаю, что я сделаю, что со

мною будет, но я решился посвятить себя с этого дня исключительно педагогическим вопросам».

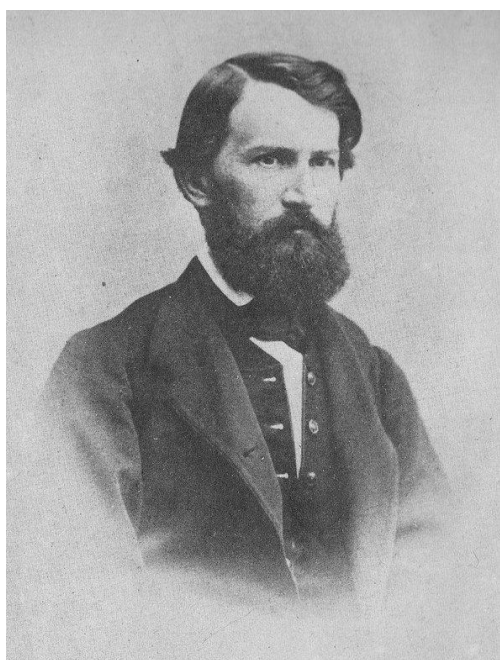
Задолго до Ушинского должность инспектора в Гатчинском институте занимал Егор Осипович Гугель, «сумасшедший профессор», оставивший после себя два огромных шкафа с книгами, к которым никто не решался прикоснуться. Эти шкафы, пыльные и почерневшие от времени, стояли запечатанными почти двадцать лет. Ушинский попросил открыть их и нашел там прекрасно подобранное собрание сочинений по педагогике.

«Это было в первый раз, что я видел собрание педагогических книг в русском учебном заведении. Этим двум шкафам я обязан в жизни очень, очень многим, и – Боже мой! – от скольких бы грубых ошибок был избавлен я, если бы познакомился с ними прежде, чем вступил на педагогическое поприще! Человек, заведший эту библиотеку, был едва ли не первый наш педагог, который взглянул серьезно на дело воспитания и увлекся им. Но горько же и поплатился он за это увлечение. ...Бедняк-мечтатель окончил свою жизнь в сумасшедшем доме, бредя детьми, школой, педагогическими идеями».

В Гатчинском сиротском институте обучались более шестисот мальчиков-сирот. Институт был известен своими суровыми порядками, регулярной муштрой и строжайшей дисциплиной. Пять лет он пробыл в Гатчине и многое изменил. В основу новой системы воспитания Ушинский положил развитие чувства искреннего товарищества. Ему удалось искоренить доносительство, воровство, каждый, кто совершал вредный проступок, согласно неписаному закону должен был найти в себе мужество признаться в нем. В институте стало считаться доблестью защищать и поддерживать слабых. Некоторые

заложенные Константином Дмитриевичем традиции прочно привились сиротам и передавались из одного поколения в другое вплоть до 1917 года.

В 1857-1858 годах в России возникли первые печатные издания для преподавателей. Известный русский педагог Александр Чумиков пригласил Константина Дмитриевича работать в основанном им «Журнале для воспитания». Одной из первых работ Ушинского была статья «О пользе педагогической литературы», в которой он облек в четкие формулировки продуманные им за долгие годы мысли и идеи. Статья имела колоссальный успех. После этого Константин Дмитриевич стал постоянным автором журнала Чумикова. Каждая его работа развивала новые взгляды на методы воспитания в стране, его статьи зачитывались до дыр, в один миг педагог стал известным, а его мнение авторитетным.

Современники говорили о нем: «Вся внешность Ушинского содействовала тому, чтобы слова его глубоко западали в душу. Крайне нервный, худощавый, выше среднего ростом. Из-под густых, черных бровей лихорадочно сверкают темно-карие глаза. Выразительное лицо с тонкими чертами, высокий прекрасно очерченный лоб, свидетельствующий о недюжинном уме, черные, как смоль, волосы и черные бакены кругом щек и подбородка, напоминающие густую, короткую бороду. Бескровные и тонкие губы, пронизательный взор, видящий, казалось, человека насквозь.... Все красноречиво говорило о присутствии упорной воли и сильного характера.... Тот, кто видел Ушинского хотя бы раз, навсегда

запоминал этого человека, разительно выделявшегося из толпы своею внешностью».

Педагогические статьи Ушинского и успехи Гатчинского института, которым он руководил, привлекли к нему внимание министра народного просвещения Норова – и при его содействии в 1859 году Константин Дмитриевич получил назначение на должность инспектора классов Смольного института, в котором обучалось более 700 девиц.

В то время институт благородных девиц представлял собой крайне архаичное заведение, жизнь в котором мало чем отличалась от жизни в монастыре. Девушки поступали туда на девять лет, и в течение всего этого времени их не отпускали домой ни на рождественские, ни на летние, ни на пасхальные каникулы. В учебе больше всего внимания уделялось музыке, танцам и поверхностному изучению нескольких живых языков. Преподавание остальных предметов было чистой формальностью: тогда всерьёз считалось, что обучение наукам приносит женщинам больше вреда, чем пользы.

Ушинский руководил учебным процессом Смольного института всего три года и за это время успел полностью перевернуть не только его внутреннее устройство, но и сформировать основы среднего женского образования в России. Он сократил время пребывания с девяти до семи лет, сразу начал добиваться права девушек уезжать домой на каникулы (им разрешат это только в 1862 году, уже после увольнения Константина Дмитриевича), практически полностью обновил преподавательский состав и, самое главное, учредил специальные педагогические классы. До него никому не приходило в голову учить женщин педагогике.

Он способствовал приглашению туда новых талантливых учителей – Семецкого, Модзелевского, Водозова. Процессу преподавания, проводившемуся прежде формально, вскоре был придан систематический и серьезный характер. Константин Дмитриевич уничтожил существовавшее в институте разделение на благородных и неблагородных (мещанских) девиц, введя для всех совместное обучение. Развитие получили направления естествознания, географии, русской истории и риторики. Воспитанницы познакомились с произведениями Лермонтова, Гоголя и многих других авторов, о которых ранее ничего не слышали. Скучное преподавание математики, признававшейся по традиции предметом, непостижимым для женских умов, было впервые поставлено как одно из лучших средств для развития логического мышления. Появился специальный педагогический класс, в котором ученицы получали специальную подготовку для работы воспитательницами. Воспитанницам было позволено проводить праздники и каникулы у родителей. Ушинский ратовал и за обучение самих преподавателей, введя для этого новую форму – семинары.

«О новой, разумной жизни этого учебного заведения громко говорила печать, – писал секретарь и биограф Ушинского Александр Фролков. – Представители разных учреждений и ведомств, родители и родственники учениц, люди педагогической профессии массами стремились в институт, чтобы послушать уроки, о которых говорил весь город. И то, что они видели там, приводило их в изумление и восторг.

Ученицы Смольного института не только не тяготились учением, не называли его «противным», как это было прежде, а были явно увлечены занятиями. Между ученицами и наставниками были хорошие, простые,

естественные отношения, основанные на взаимном уважении. Родители и родственники, в глаза и за глаза, на словах и в письмах, иногда даже печатно, выражали Ушинскому горячую признательность, видя в ученицах не светских кукол, не кисейных барышень, а разумных, развитых девушек, со здоровыми взглядами, понятиями и суждениями».

Одновременно с работой в институте Ушинский принял на себя редактирование «Журнала Министерства Народного Просвещения» и превратил его из сухого сборника официальных распоряжений и научных статей в педагогический журнал, отзывавшийся на новые течения в области народного образования.

Об изменениях в Смольном институте и о самом Ушинском говорил весь Петербург. Но вместе со славой росло и количество завистников, которые обвиняли его в «безбожии», подрыве многолетних устоев и выламывании вековых скреп. Однажды ему пришлось писать письменное оправдание в ответ на десятки клеветнических доносов. Он работал над ним несколько дней, и, по словам биографа, «садясь за отписку бодрым и здоровым, он встал из-за нея поседевшим и начал харкать кровью». Это были первые признаки чахотки.

В 1862 году Ушинский вынужден был оставить любимое дело и покинуть Смольный институт. При содействии императрицы Марии Александровны его причислили к IV отделению Собственной Его Величества Канцелярии и отправили в заграничную командировку – знакомиться с европейской системой женского образования.

Ушинский побывал в Швейцарии, Италии, Бельгии, Франции, Германии и везде он посещал учебные заведения – детские сады, приюты, школы. В Ницце знаменитый педагог неоднократно беседовал с императрицей Марией

Александровной о проблемах воспитания. Известно, что она даже поручила Ушинскому разработать систему воспитания наследника русского престола.

За границей в 1864 году Константин Дмитриевич написал и издал уникальные труды – учебные книги «Детский Мир» и «Родное Слово» – это были первые в стране массовые и общедоступные учебники для начального обучения детей. Они расходились тиражами в десятки миллионов экземпляров по общедоступной цене. Учебники были понятны детям. Впервые ребятишкам из провинции предлагали не зубрежку непонятных слов, а интересные рассказы о хорошо известном им мире – о природе и о животных. Еще в юности Ушинский писал: «Называйте меня варваром в педагогике, однако я глубоко убежден, что прекрасный ландшафт обладает огромным воспитательным влиянием на развитие юной души... День, проведенный посреди рощ и полей, стоит недель, проведенных на учебной скамье...».

Фрагмент книги «Родное слово», издание 1873 года

Материал располагался по разделам: «Из природы», «Из географии», «Из русской истории», «Первые уроки логики». В приложении-хрестоматии ученик знакомился с «образцами слога лучших писателей» – как с классическими

произведениями Крылова, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, так и с произведениями современных авторов – Некрасова, Тургенева, Гончарова,

Никитина, Майкова и др. В хрестоматию были включены и произведения иностранных авторов.

Вслед за двумя книгами он выпустил «Книжку для учащихся» – особое руководство для родителей и учителей к своему «Родному Слову». Данное пособие по преподаванию родного языка до 1917 года выдержало более 140 изданий. Свою актуальность, как пособие по методике преподавания родного языка, оно не потеряло и по сей день.

В середине 60-х годов Ушинский Константин Дмитриевич с семьей вернулся в Россию. В 1867-1869 гг. вышли два тома основного жизненного труда, названного Ушинским «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Данное сочинение является единственной в мировой педагогической литературе антропологической энциклопедией. В ней представлена важная информация для любого, кто интересуется свойствами физической и духовной природы человека. Константин Дмитриевич планировал написать и третий том, однако этот труд остался незаконченным.

Свой последний главный научный труд, названный Ушинским «Человек как предмет воспитания, опыт педагогической антропологии», он начал печатать в 1867 году. Первый том «Человек как предмет воспитания» вышел в 1868 году, а через некоторое время вышел второй том.

Охваченный жадой деятельности гениальный педагог совершил ошибку, оставшись в Петербурге до весны 1870 года. Его больная грудь с трудом выносила сырые петербургские вёсны и осени. Окончательно разболевшись, Ушинский был вынужден отправиться за границу, в Италию. Однако в Вене он слег и провалялся в больнице две недели. Местные медицинские светила рекомендовали ему вернуться в Россию и отправиться в Крым. Константин

Дмитриевич так и сделал, поселившись неподалеку от Бахчисарая. За месяц он настолько окреп, что предпринял путешествие по южному берегу Крыма и посетил город Симферополь, в котором принял участие в съезде народных учителей. Эти места Ушинский покинул в середине лета 1870 года. Бодрый духом и телом, полный самых лучших надежд он уехал в свое имение в Черниговской губернии в расчете вернуться сюда вместе со всем семейством. После гибели сына он вместе с семьей переехал в Киев. В последние годы жизни Константин Дмитриевич выступал как видный общественный деятель. Он писал статьи о воскресных школах, о школах для детей ремесленников, а также принял участие в учительском съезде в Крыму.

В ночь со 2 на 3 января 1871 года (22 декабря 1870 года по старому стилю) в Одессе Константин Дмитриевич скончался от воспаления лёгких. Ему было всего 46 лет.

Ушинский любил повторять, что для правильного воспитания мало одной лишь любви и терпения к детям, еще необходимо изучать и знать их природу. Процесс воспитания он считал величайшим, святым делом, требуя, чтобы к нему относились со всей серьезностью. Он говорил: «Неправильное воспитание тяжко отзывается на всей жизни человека, это основная причина зла в народе. Ответственность за это падает на воспитателей... Преступник, тот, кто занимается воспитанием, не зная его». В общей сложности книги Ушинского разошлись в разных слоях и классах русского населения десятками миллионов экземпляров.

Одной их важнейших возможностей формирования «духа», согласно Ушинскому, является работа русских школ. Русские школы, по мнению педагога, это, прежде всего, школы изучения собственного опыта России:

история, литература, география, родной язык; русская школа – это «усиленное изучение родины». Если говорить о заимствовании с Запада, то, единственное, что, по мнению Ушинского, можно заимствовать, так это «уважение к своему отечеству». Главное отличие западного человека от нас, по мнению К.Д.Ушинского, состоит в том, что западный человек знаком со своим отечеством: литературой, историей, географией, политикой. Русский человек «менее всего знаком именно с тем, что всего к нему ближе: со своей родиной, и всем, что к ней относится», имея «безукоризненный выговор на иностранных языках», он в то же время «часто плохо говорит на своем отеческом, подробно знает историю французской революции, и в то же время глубокомысленно задумается над тем, в каком веке жил Иван Грозный». В целях подготовки кадров и получения первых знаний от специалистов, великий педагог предлагает проводить экзамены среди преподавателей всех уровней на предмет знания России и родного языка. Предлагая начинать обучение специалистом ребенка с 4 лет основным предметам (язык, природа, география, история), Ушинский отмечает, что эти предметы ложатся в основу «на свежую, ничем не загроможденную память вслед за азбукой. В такую азбучную форму и должно войти первое знакомство с отечеством».

Спустя почти два века с момента рождения Константина Ушинского многие из его фраз до сих пор не теряют актуальности. Он говорил: «Разве в быстром передвижении на пароходах и паровозах, в мгновенной передаче новостей о цене товаров или о погоде через электрические телеграфы, в износке как можно большего количества толстейших трико и тончайших бархатов, в истреблении смердящих сыров и благовонных сигар человек откроет, наконец, предназначение своей земной жизни? Конечно же, нет. Окружите нас этими

благами, и увидите, что мы не только не сделаемся лучше, но даже не будем счастливее. Мы или будем тяготиться самой жизнью или начнем понижаться до уровня животного. Это есть нравственная аксиома, из которой человеку не вывернуться».

Что Константин Ушинский говорил о...

- *Женском образовании.* «Если смотреть на женщину по-другому, видеть в ней прежде всего человека, равноправного во всех отношениях с мужчиной, то и взгляды на женское образование будут другими. Не следует забывать, что женщина является проводником „успехов науки и цивилизации в нравы и жизнь общества“».
- *Воспитанию как искусстве.* «Искусство воспитания имеет ту особенность, что почти всем оно кажется делом знакомым и понятным, а иным – даже легким, и тем понятнее и легче кажется оно, чем менее человек с ним знаком теоретически или практически».
- *Педагогике.* «Педагогика не наука, а искусство – самое обширное, сложное, самое высокое и самое необходимое из всех искусств. Как искусство она кроме знаний требует способности и склонности, и как искусство же оно стремится к идеалу, вечно достигаемому и никогда вполне недостижимому: к идеалу совершенного человека».
- *Природе.* «Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога; что день, проведенный ребенком среди рощ и полей, стоит многих недель, проведенных на учебной скамье».

- *Грамматике русского языка.* «Так как грамматика есть результат наблюдений человека над собственным языком, а не язык результат грамматики, то самый рациональный прием изучения грамматики будет такой, при котором стараются обратить внимание дитяти на то, как он говорит, и только руководят его наблюдением над теми грамматическими законами, которым он бессознательно подчиняется в своей речи».